

Никита Викторович Петров [1], [2]

✉ petrov-nv@ranepa.ru

ORCID: 0000-0002-2467-9535

[1] Российская академия народного хозяйства и государственной службы, Москва, Россия

[2] Европейский университет в Санкт-Петербурге

Наталья Борисовна Граматчикова [1]

✉ n.gramatchikova@gmail.com

[1] Институт истории и археологии УрО РАН

ORCID: 0000-0002-2585-7399

КОГДА СВЯЩЕННИКИ УБИВАЮТ ПОКОЙНИКА, ОЖИВШЕГО В ЦЕРКВИ? ИСТОЧНИКИ СЮЖЕТА И ЕГО РАЗВИТИЕ В УСТНОЙ И ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ПРОЗЕ

Nikita V. Petrov [1], [2]

✉ petrov-nv@ranepa.ru

ORCID: 0000-0002-2467-9535

[1] Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia

[2] European University at Saint Petersburg, Saint Petersburg, Russia

Natalia B. Gramatchikova [1]

✉ n.gramatchikova@gmail.com

ORCID: 0000-0002-2585-7399

[1] Institute of History and Archeology of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences

WHEN DO THE PRIESTS KILL A DEAD MAN WHO HAS REVIVED IN THE CHURCH? SOURCES OF THE PLOT AND ITS DEVELOPMENT IN ORAL AND FICTION PROSE

В докладе рассматривается любопытный сюжет, когда «мнимоумерший», оставленный на ночь в церкви, оживает, затем его убивают священнослужители. Материалами служат тексты, зафиксированные в конце 1970-х гг. в нескольких населенных пунктах на северо-востоке Свердловской области (п. Гари, г. Алапаевск), в разное время Кировской области (г. Слободской, г. Уржум, Сунский район), в Костромской области, архивные и публицистические материалы XIX века.

История о том, что «все, что мертво, должно оставаться мертвым» находится в указателе типов АТУ 1711* (в разделе «Глупцы») и называется «Храбрый сапожник». Сапожник (ученик) ничего не боится. Его друзья хотят проверить это и попросить его присматривать за покойником. Один из них притворяется мертвым и лежит (вместо настоящего трупа) в гробу. Все это время сапожник чинит обувь. Внезапно «мертвый» человек начинает двигаться (дышать). Сапожник приказывает ему лежать на месте. Когда «мертвый» человек снова движется, сапожник говорит: «Все, что мертво, должно оставаться мертвым». Он бьет самозванца по голове молотком и убивает его.

В русских вариантах, найденных нами, дело часто происходит в церкви, а вместо сапожника действует священнослужитель. В частности, любопытны мотивы оживания в церкви приготовленного к отпеванию покойника и описание и мотивировки убийства мнимоумершего: если мертвый оживет в церкви и его отпустить, то умрут 12 священников. Вот пример такого текста:

Раньше покойники первую ночь в церкви лежали. Часто бывало, что человек не умирал, а засыпал глубоко. Принесут уснувшего. Он ночью проснется. К двери побежит. Его не должны выпускать. Нужно убить этим замком, что дверь запирает. Если отпустят, то двенадцать попов и священников умрут. Часто люди вспоминают близких умерших и думают, что они живые. Моя сестра до сих пор верит, что когда в деревне за водой мимо церкви ходила, слышала, как младшая сестра, которой двенадцать лет было, когда она умерла, звала ее к себе» (66_Алапаевск_1978_05; №5, Петропавловских Е.Н., 1926 г.р., приехала из Киров.обл.).

Ранняя русская версия сюжета отсылает к Уржуму (Вятская губерния) и содержится в работе В. Магницкого 1883 года:

<...> Случится, – оживет покойник по при несении его в церковь, – причт должен «убить» ожившего и схоронить; если же оживший успеет из церкви скрыться, то за упуск его изведется весь причт, помрет подряд 12 священников. В том случае, если побег совершится, причт отпевает пустой гроб и провожает его на кладбище, как бы в нём был покойник. Любопытно, что смерть подряд 2-3 священников в одном и том же селе народ иначе не объясняет, как упуском ожившего покойника. Об этом мне довелось подслушать в Уржуме следующий рассказ. «Причт убивает оживающих покойников ломом, хранящимся для того в церкви за печкой; конец у лома в крови <...> (Магницкий 1883).

Есть и более ранний источник. В Государственном архиве Кировской области В.А. историком Коршунковым обнаружено дело 1835 года «О смерти крестьянина деревни Дворищ, Нолинского уезда, убитого в церкви диаконом» (Ф. 237. Оп. 76. Д. 981. 8 л.), где приводится причина убийства ожившего в церкви: «Якобы в Нолинском уезде съиздавна есть предразсудок, что если покойник, поставленный в церкви оживет, то перемрут все священно- и церковнослужители».

Подобные истории, как представляется, локально обусловлены, вероятным источником нам представляется вариант из села Ошеть Сунского района Кировской области (именно к этому селу и отсылает дело 1835 года). По рассказам местных жителей

легенда о воскресшем мужике именно в церкви села Ошеть передавалась из уст в уста в шестидесятые годы прошлого века, и почему-то в «страшные» вечера. Помню, что о подобном случае рассказывал колхозник из д. Зевахи, проходя лечение в Кумёнской районной больнице в марте 1967 года. Фамилия его Мячин. Он вот что говорил: «Я сам из Зевах, это 5 км от церкви Ошетской. Случай-то какой в церкви этой когда-то давно был: мужик, которого отпевать принесли, ночью очухался, сторож к попам и побежал. Ну, и чё? Мужик заговорил, просил жизнь сохранить. Но слушать его не стали. Что первое твёрдое под руку священнику попало, тем и вдарил по голове, так чтоб все поняли: помёр крестьянин» (запись от краеведа п. Суна, Кировской области Вениамина Ивановича Измествьева в 2018 г. л/а автора).

В той же Кировской области этот сюжет может о мнимоумерших может иметь другое окончание: чтобы внести сумятицу и сбежать, мужик, очнувшийся в церкви, подкладывает в гробы к другим мертвецам игральные карты.

Любопытно, что схожая группа сюжетов была зафиксирована в Гаринском районе Свердловской области в 1977 г. Из семи текстов, рассказывающих об умерших и похороненных заживо два отсылают к традиции сказок, а пять связаны с церковным пространством и действиями священнослужителей. Исторический контекст сюжета (покойных приносили в церковь, где тела ждали приезда священника и отпевания (Макарова 2011, Бондарькова 2014) связан с особым типом образуемого лиминального пространства, соединяющим в себе сакральное и вымороченное. Рубежность места и ситуации подчеркивается статусом мнимоумершего (родильница, не могущая разродиться, мужик-пьяница, предупреждавший о своей «смерти» и др.), окружением (дьяк и поп с ножами; мертвецы) и предметным миром (карты, водка, зеркало).

Такие детали, как игра в карты с мертвецами и возможность благодаря этому избежать смерти, сопровождающие истории о мнимоумершем в церкви в Свердловской и Кировской областях, наделяют персонажа агентностью и переводит его в разряд трикстеров, выигрывающих не только игру, но и жизнь. Образный ряд, переводящий поверье в сказку – «карточная игра в церкви» – имеет ряд параллелей в фольклорных сюжетах, см. типы в указателе ATU 326 «The Youth Who Wanted to Learn What Fear is», ATU 1613 «Playing Cards are My Calendar and Prayer Book», 1827A «Cards (Liaur Bottle) Fall from the Sleeve of the Clergyman», 1839A «The Clergyman Calls Out Cards»; и в указателе С. Томпсона – Thompson E577.2 «Dead persons play cards»). Аналогичный фольклоризованный сюжет – игра в дурня деда и ведьмы – известен по повести Н. Гоголя «Пропавшая грамота».

Как нам представляется, история о мнимоумершем вписывается в более широкий контекст нарративов о похороненных заживо, по ошибке, спящих летаргическим сном – истоки этой линии, вероятно, следует искать в петровских указах начала XVII века о погребении тела на третий день после смерти. История же об убийстве священником ожившего в церкви может быть связана с народным восприятием церковного Чина бываемого на погребение. В то же время интересна связь деталей сюжета о смерти 12 священников с распространенным поверьем, когда нельзя оставлять гроб пустым, что может повлечь за собой еще чью-либо смерть.

Не рассматривая в целом европейские сюжеты, связанные с успешным перекодированием богохульных действий в церкви в формат интерпретаций и предсказаний, в докладе мы остановимся на пространстве карточной игре, которая в устной и литературной неизменно образует вокруг себя пространство свершения судьбы. В XX веке карточная игра продолжает действовать в лиминальной ситуации там, где уже нет сакрального: например, в лагерном быту, по-прежнему определяя жребий жизни и смерти (В. Шаламов «На представку» (1956), Д. Киш «Гробница для Бориса Давидовича» (1976)). Жребий, выпавший в карточной игре, сбывается немедленно (В. Шаламов) или отсрочено (Д. Киш). Композиция художественных текстов в этом случае созвучна упоминанию о незавидной участи «обманувшегося обманщика» в финалах кировских и гаринских историй о мнимоумершем.

Литература

Бондарькова, Ю.А. (2014). Восприятие народным сознанием церковного чина погребения (на материале севернорусских похорон XIX–XX вв.) 2014. Режим доступа: <https://www.ruthenia.ru/folklore/folklorelaboratory/Bju-d.htm>

Магницкий, В. (1883). Поверья и обряды (запуки) в Уржумском уезде Вятской губернии. Вятка. С. 34-35.

Макарова, В.Ю. (2011) Недароимцы, манипуляторы и на одре лежащие: к вопросу об особенностях крестьянского отношения к исповеди и причастию. Богослов.RU. Режим доступа: <https://bogoslov.ru/article/1910434>.

Благодарности

Статья подготовлена в рамках гранта, предоставленного Министерством науки и высшего образования Российской Федерации (№ соглашения о предоставлении гранта: 075-15-2022-326).

The article was prepared in the framework of a research grant funded by the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (grant ID: 075-15-2022-326)